

он был лишь языком культуры и провинциального партикуляризма; перемещение центра империи на Восток привело к экспансии латыни; это вызвало мобилизацию защитных свойств эллинизма, но последний неизбежно раскололся тогда на «римский» и «национальный», закономерно связавшийся с языческим; появление на Востоке «имперского» греческого логичным образом превратило там латынь в язык культуры, место Либания занял Лид; превращение греческого, известного далеко не всем христианам, в язык церковной ортодоксии, естественно, породило со временем зависимость ереси от иноязычия; позднее православных на Ближнем Востоке стали звать «мелькитами», т. е. «имперскими», — так религиозная ересь становилась политическим диссидентством.

Всякое явление рисуется Дагроном прежде всего как результат эволюции; даже в победе христианства он склонен видеть не революционный слом, а саморазвитие системы: «В отличие от Запада христианство для Византии было не разрывом с прошлым, а новым договором об аренде, заключенным с romanité еще на десять веков» (XI, 133). Одновременное существование в позднеантичную эпоху пророчеств эпистемологического, магического и христианского характера исследователь не склонен считать свидетельством борьбы мировоззрений: «Спор, если он был, был внутренним» (IV, 152),

христианство «слишком уверено в исходных догмах... и пытается отождествить себя со всем в romanité» (IV, 151). Иконоборчество для Дагрона — также не внезапный зигзаг развития, но «долгий и трудный компромисс», «последний эпизод длительного процесса аккультурации, в течение которого христианская Византия приняла все, что могла, из своего римско-эллинского прошлого» (XI, 143). Спор об иконах в освещении французского исследователя — не «противостояние ортодоксии и ереси, а свободный выбор между двумя ортодоксиями» (XI, 139), не инновация против традиции, а одна равноправная традиция против другой. В заключение приведем еще одно высказывание Дагрона: «На поверхности у византийцев было „все или ничего“, но этот принцип скрывал под собой искусство избежать столкновения лбами. Сухое теоретизирование соединилось у них с изобретательной практикой, нахмуренные брови компенсировались заговорщицеским подмигиванием. Копнув ортодоксию, мы обнаруживаем греческий юмор» (XII, 166). Эта цитата дает хорошее представление не только об общем стиле автора, изобилующем парадоксами и метафорами, но и о его научном кредо, проявляющемся так или иначе во всех статьях сборника.

Книга снабжена указателем, в котором, правда, имеются лакуны.

С. А. Иванов

Kyrris C. P. *History of Cyprus / With an introduction to the Geography of Cyprus*. Nicosia: «Proodos» Printing Office, 1985. 450 p.

Труд, созданный известным византинистом и востоковедом директором Института кипрских исследований в Никосии К. Киррисом — успешная попытка осмыслить историческое развитие Кипра с древнейших времен до современности. Значительное место в нем занимают проблемы средневековой истории острова. Византийский период К. Киррис подразделяет на несколько этапов: от правления императора Константина I до 649 г., т. е. до начала вторжений арабов на остров; с 649 по 963/964 г. — арабские вторжения; 964—1042 гг. — упорочение власти Византии; 1042—1191 гг. — упадок византийского Кипра и завоевание острова крестоносцами (1191 г.).

Большое внимание уделяется в книге истории кипрской церкви в ранневизантийский период, подчеркивается активная роль кипрского духовенства на церковных соборах в Никее (325 г.) и Сардах (343—344 гг.), его антиарианская позиция (р. 161—168, 172—175). Другим важным событием этого времени автор считает размещение войск и военных поселенцев на острове, что свидетельствует о его военно-стратегической значимости для Византийской империи (р. 169—170, 172).

Нетрадиционна точка зрения ученого о том, что с 688 или даже с 648 г. на Кипре устанавливается порядок, который К. Киррис называет «нейтральным совладением» (neutral condominium) островом, т. е. совладением арабов и византий-

цев (р. 189). Анализ соглашений, заключенных между Византией и Халифатом в 653 и 688 гг., приводит автора к выводу, что с середины VII в. на Кипре существовали две общины — греческая и арабская, причем греческие и арабские поселения соседствовали (р. 188—189), чеканились и находились в обращении как арабские, так и византийские монеты (р. 184). Впрочем, термин «нейтральное совладение» представляется нам не совсем удачным и ясным. Сам автор убедительно доказывает, что, несмотря на сложность обстановки, несмотря на арабские вторжения и борьбу с внешними врагами, остров, по существу, оставался частью Византийской империи; политические, религиозные и культурные связи Кипра с Константинополем никогда не прерывались (р. 179, 203—208); греки-киприоты по-прежнему платили и установленные для всех районов империи и налоги в византийскую казну; на Кипре, как и прежде, находился византийский архонт, выполнявший хорошо известные административные функции (р. 184); наконец, не прекращались ни византийское строительство (главным образом церковное), ни финансовая помощь империи Кипру (р. 190). Следовательно, можно не скорее говорить о сосуществовании на острове поселений арабов и византийцев, чем о «совладении» его территории Византией и Халифатом.

Ликвидация угрозы арабского завоевания стала поворотным этапом в жизни

греческого населения острова, дав новый импульс его экономическому и культурному развитию (р. 204). Рассматривая историю Кипра середины X—XI в., К. Киррис, однако, уделяет внимание только развитию культуры и искусства и почти не останавливается на социально-экономических и политических проблемах этого времени.

Освещая период 1042—1191 гг., К. Киррис выделяет три события, имевших, по его мнению, определяющее значение: перенесение столицы из Констанции в Никосию, предоставление венецианцам широких торговых привилегий (1148 г.), самостоятельное правление Исаака Комнина, подготовившее окончательное отделение Кипра от Византии и завоевание его крестоносцами (р. 209—211). С 1191 г. начинается качественно новая фаза в истории Кипра — период франкократии. Исследователю явно в преувеличенном виде представляется «персоналистскую» сторону события. Причина завоевания острова крестоносцами, с точки зрения К. Кирриса, — «близорукость» Исаака Комнина, который изолировал Кипр от «действительно национального государства» (р. 221—222). Историк не учитывает того факта, что завоевание Кипра Ричардом Львиное Сердце и возникновение государства Лузиньянов было прежде всего следствием значительного ослабления Византийской империи в конце XII—начале XIII в., длительного процесса феодальной децентрализации, общего для всего Византийского государства.

В главе «Период Лузиньянов в 1192—1489 гг.» К. Киррис затрагивает многие проблемы социального, административного и церковного устройства на Кипре, статуса и роли там православной церкви, значения острова для крестоносцев и участия государства Лузиньянов в крестовых походах. Эпоху Лузиньянов он характеризует как период «эксплуатации и угнетения коренного греческого населения, которое должно было вести длительную борьбу за физическое, национальное, религиозное и культурное выживание против не столь многочисленных, но обладавших военной, социальной, политической властью новых господ» (р. 212—213). В истории Кипра этой эпохи исследователю интересуют главным образом процессы внутреннего развития, жизнь греческого населения в условиях правления королей иностранной династии, внутренняя политика Лузиньянов.

Выгодное географическое и военно-стратегическое положение Кипра признавалось всегда — вплоть до наших дней. Для крестоносцев остров превратился в основной опорный пункт в Восточном Средиземноморье, сделался главным местом их сбора, снабжения войск продовольствием и всем необходимым. Государство Лузиньянов всегда было прямо или

косвенно вовлечено в крестовые походы. Как указывает К. Киррис, Кипр стал мостом, соединяющим Восток и Запад (р. 217—227). Однако, по его мнению, не следует видеть в Кипре только военный плацдарм, с которого велось наступление крестоносцев. Напротив, Лузиньяны, столкнувшись со столь сильным врагом, как мамлюки, быстро поняли необходимость сосуществования со своими мусульманскими соседями (р. 223), ибо это давало возможность укрепить королевство, стабилизировать положение самих латинян на Кипре и усилить их власть над местным населением, стимулировало развитие городов и торговли, что было выгодно не только кипрским латинянам, но и всему средиземноморскому купечеству. Постепенно Кипр становится важнейшим транзитным торговым центром Восточного Средиземноморья и со второй половины XIII—начала XIV в. все более служит коммерческим целям европейцев (р. 226).

К. Киррис считает, что в XIII—начале XIV в. на Кипре сохранялся греческое купечество, хотя предоставление Лузиньянами торговых привилегий итальянцам и наплыв западноевропейских иммигрантов-горожан нанесли существенный ущерб интересам кипрского «среднего класса», привели к ущемлению и отмене его привилегий, дарованных прежде (р. 212, 215). Увеличение численности греческого бюргерства наблюдается, по мнению автора, в конце XIV—начале XV в., когда усиливается его влияние в социально-экономической жизни острова, что подтверждается переводом на кипрский диалект «Ассиз суда горожан» (р. 237). Заметим, что представление историка об увеличении численности греческого купечества в конце XIV—начале XV в. за счет включения в этот класс пернериариев и освобожденных сервов (р. 237) не подтверждено данными источников. В конце XIV в. на Кипре обозначается тенденция к сближению латинского и греческого населения. Причину такого сближения К. Киррис связывает с сильным влиянием Византии в области культуры, с непрерывными контактами кипрской православной церкви с Византией, сохранением византийских традиций, обрядов и литургии в XIV—XV вв. (р. 231—232).

Книга К. Кирриса, хотя в ней налицо отдельные спорные суждения, является важным вкладом в изучение истории Кипра, она подводит итог многочисленным и плодотворным изысканиям автора, содержит обширную библиографию. Эта работа может служить ценным руководством для всех интересующихся историей острова и отражает достижения кипрской историографии за последнее десятилетие.

Близнюк С. В.

Déscarreaux Jean. Byzance ou l'autre Rome. P.: Les éditions du Cerf, 1982. 274 p.

Содержание книги Ж. Декарро весьма разнообразно. Автор исследует взаимоотношения католичества и православия на всем протяжении их существования,

униатство и его современный облик, историю византийского монашества и многие другие сюжеты. Основная тема книги — многовековое соперничество между гре-